

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Крупичатая

Сибирские рассказы

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Крупичатая

«Public Domain»

1891

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Крупичатая / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1891 — (Сибирские рассказы)

«Вечер. Накапывает мелкий осенний дождь, точно просеянный сквозь тонкое сито. По дороге медленно двигаются обозы. Бедные лошади вязнут в липкой глине и едва тащат тяжело нагруженные телеги...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Крупичатая

I

Вечер. Накрапывает мелкий осенний дождь, точно просеянный сквозь тонкое сито. По дороге медленно двигаются обозы. Бедные лошади вязнут в липкой глине и едва тащат тяжело нагруженные телеги.

«И куда это только везут столько товару? – думала Афимья, шлепая по грязи. – Везут, везут, и конца краю нет... А все в Торговище, на ярманку. Богатые московские купцы наехали теперь».

Идти пешком было тяжело, и Афимья делала частые передышки. У ней захватывало дух. А идти было нужно, чтобы поспеть в Торговище, пока еще на постоялом не заснули. От Притыки до Торговища трактом считалось двенадцать верст. Была и прямая дорога, лугами, но Афимья ночным делом боялась идти по ней: долго ли до греха, ярмарочное время, еще обидят как раз, а по тракту народ день и ночь валом валит. Собственно, Афимья боялась не за себя – что с нее взять, больной и старой, а за таскавшуюся за ней дочь Соньку.

– Устала, Сонька? – спрашивала Афимья время от времени, и в ее голосе звучала какая-то боязливая нежность.

– Есть хочу, мамынька...

– Ну, придем на ярманку, там у тетки Егорихи перекусим... Даст чего-нибудь поесть. У них теперь всего достаточно...

Сонька ничего не отвечала, и мать слышала только, как она в темноте шлепала босыми ногами. И сарафанишко на Соньке дыра на дыре, и кафтанишко весь обносился, – стыдно в люди показаться. У себя-то в Притыке хоть в чем ходи, привыкли уже все к непокрытой бедности. Ох, горькое дело эта бабья бедность, когда ниоткуда никакой подмоги. Живут же другие люди на белом свете... Эти горькие мысли стояли у Афимьи на сердце, как давнишнее несчастье.

Было уже часов девять, когда вдали мелькнуло неясное зарево от ярмарки в Торговищах. Там все было устроено на городскую руку: и фонари, и трактиры, и театр – одним словом, чего душа просит. У Афимьи дрогнуло сердце, когда выступило впереди это ярмарочное зарево, и она опять присела на первый камень, чтобы перевести дух. В темноте слышно было, как тяжело катились по грязной, избитой дороге возы с кладью, как фыркали лошади, почуявшие близкий ночлег, как переговаривались ямщики, шагавшие по грязной дороге рядом с возами. Под самым Торговищем место было беспокойное: того и гляди, товар срежут, а то и целый воз стащат. На тракту в ярмарку сильно пошаливали, так что был даже устроен казачий «бекет».

Сонька плелась за матерью с равнодушной покорностью и ни разу даже не спросила, куда и зачем они идут. Такая уж она выросла, точно деревянная. Вот есть да спать, так ее поискать. Задышавшаяся от ходьбы Афимья чувствовала теперь какое-то озлобление против рослой и здоровой дочери, точно она отняла у матери всю силу.

– Все бы ты только жрала... – ворчала Афимья, поднимаясь. – Эх, затемнели мы, пожалуй, тетка-то Егориха укладывается спать.

А зарево все разгоралось, точно от настоящего пожара. Место было ровное, степное, а по нему, как по блюду, катилась степная реченька Мурмолка. Торговище появилось всего лет сорок, когда в степи, на берегу Мурмолки, была найдена явленная икона Парасковей-Пятницы. Для иконы поставили деревянную часовенку, а около часовенки вырос степной сибирский торжок. Стали наезжать по осени, когда убирался хлеб, краснорядцы из ближайшего степного

городка и торговали всяким товаром прямо с возов, потом выросли ярмарочные балаганы, лари и деревянные «ряды», и в результате получилось Торговище. Сейчас это было настоящее село в несколько улиц и с каменной церковью. Несколько каменных двухэтажных домов, деревянный ярмарочный театр и каменные торговые бани на Мурмолке придавали ему даже городской вид, как уверяли местные патриоты. Но жизнь в Торговище продолжалась ровно месяц, пока происходила ярмарка, а затем это село засыпало на целый год, вплоть до следующей ярмарки. Больше половины домов заколачивалось наглухо, и Торговище являлось каким-то мертвым селом. Оставались только так называемые «жилыцы», то есть оставшиеся караулить мертвые дома. Одиннадцатимесячный сон с лихвой выкупался лихорадочным оживлением дикого ярмарочного месяца, когда днем кипела торговля, а ночью гремели своими машинами трактиры, распевали хоры арфисток и до утренней зари творилось всякое ярмарочное безобразие.

Афимья вошла в ближайший постоялый двор, запруженный обозными телегами и экипажами. Она прошла прямо в заднюю избу, где была «стряпушая» тетки Егорихи. Передняя изба была набита битком ямщиками, мелкими торговцами, прасолами и приехавшими на ярмарку мужиками, но места не хватило, и часть постояльцев перебралась в стряпущую, где управлялась тетка Егориха у громадной русской печки.

Тетка Егориха не выразила особенной радости, когда увидела Афимью.

– Давно не видались... – ворчала дворничиха, орудуя ухватом. – Сперва-то я тебя и не признала, Афимья: краше в гроб кладут.

– И то помирать пора, Егориха... В чужой век живу.

– На ярмарку помирать приволоклась? – ядовито заметила Егориха, оглядывая стоявшую рядом с матерью Соньку. – А это нешто дочь тебе приходится?

Афимья застыдилась и только тяжело вздохнула, а Егориха оглядывала Соньку с ног до головы и качала головой.

– Ну и вырастила девку, нечего сказать... В кого она такая-то уродилась у тебя крупичатая?... Не ущипнешь...

– Пятнадцать годков минуло в успенском посту... На бедность бог здоровья посылает. Может, в горнишные куда определяю...

– Так, – протянула Егориха и усмехнулась. – Ну, я с тобой покалякаю потом, а сейчас-то мне не до тебя. Как береста на огне, кручусь я день-то деньской... А ты, девонька, уж поешь, – проговорила она Соньке, – да вот на лавочку за печкой и приляжь... Утро вечера мудренее.

Она сунула гостю кусок пирога и деревянную чашку со щами. Сонька присела к столу и принялась с жадностью за непривычную еду: дома она и во сне не видала таких щей. А Егориха смотрела на Сонькины голые ноги, покрытые грязью, на заплатанный вылинявший сарафанишко и опять качала головой, переполненной бабьими мыслями. Очень уж красива из себя издалась девка: кровь с молоком. Волос русый, мягкий, шелк шелком, глаз серый с поволокой, румянец во всю щеку, а тело белое-белое, как у городской барыни... Ну и уродилась девка, всему миру на украшение. Одним словом: крупичатая. Егориха подлила Соньке щей вторую чашку.

– Ее не накормишь, прорву, – заметила Афимья.

– Пусть поест наших ярмарочных-то щей... Ешь, касатка.

Сонька, наконец, наелась, вытерла рот, по-деревенски, рукой и зевнула: ее томил крепкий молодой сон. Тетка Егориха увела ее за печку и сама уложила спать.

– Размалела девонька... – смеялась Егориха, возвращаясь к своим ухватам. – Это ее с еды разобрало: как пьяная, так с ног и валится. И красоту же ты вырастила, Афимьюшка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.